

правый уклон и борьба с ним почти не велась, то теперь, к сожалению, мы иногда наблюдаем перегиб в другую сторону. Мы имеем в виду отмеченные уже в нашей антирелигиозной литературе выступления Якутской республики, намеревавшейся ликвидировать шаманизм чуть не у 25 % населения к 1 мая 1930 г. Такие опрометчивые решения вытекают конечно, из слабой осведомленности о корнях и состоянии этого явления, и немудрено: источники наших сведений о шаманизме отрывочны и очень разбросанны. И тут предлагаемая хрестоматия может сыграть полезную роль, подробно освещая это явление и его базис в туземной среде.

4) Мы много говорим о связи мирового империализма, и в частности английского, с религией, но много ли фактов этому приводится в нашей антирелигиозной литературе, особенно относительно колоний?

Предлагаемая хрестоматия и тут дает ряд наглядных примеров. Вот хотя бы пример, наглядно иллюстрирующий отношение к религии английского империализма. У пограничных народов Туркестана, в Таджикской республике распространена, главным образом среди горных таджиков, секта так называемых измаилитов. Центр секты находится в Бомбее, в сфере влияния Англии. Секта между прочим, хотя и магометанская, но не без связи с древним маздеизмом. От последнего секта усвоила дуалистические представления. Измаилиты считают, что миром правят бог и дьявол; и тот и другой постоянно воплощаются в людей. Бог воплощен, по их мнению, в настоящее время в главу их секты, а дьявол—в его двоюродного брата. Что же делают английские империалисты? Оказывается, до самого недавнего времени английское правительство платило порядочные пенсии и воплощению бога и воплощению дьявола. И таких примеров для антирелигиозной пропаганды можно найти в нашей хрестоматии не мало. В частности тут не раз вскрывается, каким источником национальной розни была религия на Кавказе.

5) Авторы хрестоматии уделили не мало внимания таким вопросам, как коллективное шаманство, шаманские гонорары, колдуны, знахари и туземная знать, дающие материал для марксистского объяснения возникновения идеологии.

Еще раз подчеркиваем, что сборник очень далек от того, чтобы исчерпать хотя бы даже чисто практические цели антирелигиозной пропаганды. Мы сознаем ряд дефектов и упущений и очень приветствовали бы строгий критический подход к данной работе. Пусть же критики совместно с нами выяснят для будущих изданий основные дефекты этого труда, являющегося, повторяем, лишь первой пробной попыткой марксистского антирелигиозного подхода к тем многовековым пластам религиозного мракобесия, под которыми еще изнывают многие миллионы трудящихся масс в нашем Союзе.

ВЕЛИКИЙ СОЮЗ НАРОДОВ.

СССР возник на развалинах бывшей Российской империи в 1922 г. Фундаментом для СССР явилась РСФСР, возникшая сейчас же после Октябрьской революции 7 ноября 1917 г. Эта федерация, включившая в свой состав огромную территорию с многоязычным, различным по историческому прошлому и культуре населением, сейчас же по окончании гражданской войны естественно должна была приступить к национальному размежеванию и территориальному оформлению отдельных национальных советских республик. Конституция СССР была окончательно оформлена 6 июля 1923 г. Но формирование СССР этим не было еще закончено: после национального размежевания Средней Азии в 1925 г. в состав Союза вошел Узбекистан и наконец в конце 1929 г.—Таджикистан.

Если автономия отдельных республик и областей СССР преследовала, как говорит «Декларация трудящегося и эксплуатируемого народа», создать «действительно свободный и добровольный, а тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России», то образование Союза Советских Республик вызвалось жизненной потребностью «объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и военную безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспевание, и свободу национального развития». Последнее—свободное национальное развитие—полностью обеспечивается самым характером советского государства. И декларация об образовании СССР подчеркивает, что: «Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство является достойным увенчания заложенных еще в октябре 1917 г. основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику.

Такое построение Советского Союза вытекает из исторического прошлого Российской империи, на территории которой выросло союзное здание.

Что представляла собой в прошлом лоскутная в полном смысле слова царская Россия?

В силу многих исторических, экономических и политических причин русское государство, возникшее сперва на юге (Киевская Русь), передвинувшее свой центр позже на север (Московская Русь), объединив сперва только одну из славянских ветвей, мало-помалу поглотило в себя ряд других народностей.

Процессу формирования русской государственности предшествовал длительный период славянской колонизации, начавшейся еще в первые века христианской эры. Уже в начальный период этой колонизации славянские племена, придя в Восточную Европу, застали здесь древних насельников—финские племена. Следует думать, что первый период колонизации носил преимущественно мирный характер. Вполне верно

Д. Анучин указывает, что «культура славянских пришельцев едва ли в то время значительно превосходила финскую...» и что «особенности быта тех и других не исключали возможности мирного сожития и общения и совместного участия в государственной жизни». Но если «мирное сожитие» и могло быть характерным для первичной колонизационной поры, то в дальнейшем она приняла иные формы. Ведь иначе остается непонятным, каким образом славяне оказались настолько устойчивыми и не исчезли окончательно в море финского окружения. Очевидно разгадку этому следует искать в том, что славяне в отличие от разрозненных финских соседей были даже в древний период объединения и даже имели в своей среде воинственных вождей (норманнских), поддерживавших единство отдельных славянских племен.

Но каков бы ни был характер процесса первичной колонизации, уже в IX—X веках славянские племена представляли в Восточной Европе значительную силу, а в X—XIII веках мы видим целый ряд славянских волостей и княжеств: Киевское, Пинско-Туровское, Волынское, Галицкое, Полоцкое, Новгородское, Смоленское, Черниговское, Северское, Муромское, Рязанское, Переяславское, Ростово-Суздальское...

С передвижением торговых путей между Западной Европой и Востоком на юг, с развитием средиземноморской торговли, захватившей в свои руки также и рынки Скандинавии и Прибалтики, которые тем самым перестали зависеть исключительно от путей «из варяг в греки», начинает падать и значение отдельных славянских волостей и княжеств и их городов.

Упадок роли городов (за исключением Новгорода) достиг кульминационного пункта в XIII веке, после нашествия на Восточную Европу монголо-татар. Последнее событие произвело коренную ломку в смысле перемещения политических центров славянских волостей и княжеств и сыграло огромную роль в развитии русской государственности. Последняя окончательно сформировалась в центре Восточной Европы из Московского княжества. Географическое положение последнего создало весьма благоприятные условия для того, чтобы именно Московское княжество стало политическим центром будущей империи. Дело в том, что через это княжество, а потом царство, проходили наиболее важные торговые пути из верховьев Днепра (Смоленск) на восток к Клязьме (Владимиру). От Москвы же зависел и север (Новгород), который нуждался в хлебе из южных районов.

Таким образом Московское княжество являлось центром, от которого зависели другие княжества. Вследствие этого здесь создались наиболее благоприятные условия первоначального накопления.

Татарское владычество значительно укрепило власть московского князя, так как последний являлся для татарского хана как бы главным уполномоченным по сбору дани от окружающих княжеств. Не малую роль в возвышении Московского княжества сыграла и церковь, которая в XIII—XIV веках превратилась в мощную политическую величину, которой, естественно, выгодно было находиться на стороне наиболее богатого и наиболее сильного княжества, а с окончанием борьбы с таким влиятельным политическим и торговым центром, как Новгород, и с победой над ним, Москва по праву могла быть названа центром всех восточных славян.

Рост и усиление Москвы вызвали к жизни новые процессы. К этому времени сильно развивается товарное производство, а вместе с ним растет и мощь новых социальных групп, стремящихся занять место старого феодала. Денежное хозяйство бьет по крупному феодалу, роль и значение которого сходит на-нет, уступая место мелкопоместному барину

и крепостнику. Значительное место заняли монастыри, сконцентрировавшие вокруг себя огромные земельные и иные богатства и являвшиеся в то время образцами сельского товарного хозяйства ¹⁾).

Наряду с ними рос городской торговец. Вместе взятые, они и образовали тот рычаг, который резко повернул ход дальнейшего развития Московской Руси. Эти новые силы были объединены одними и теми же целями. Для купца они лежали в завоевании торговых путей, ведущих в первую очередь на Восток, а для землевладельцев-крепостников — в приобретении новых земель, т. е. в колонизации и насаждении крепостнического хозяйства.

И XVI век был решающим в этом направлении. Купец и крепостник выявили достаточно энергии, чтобы направить политику государства по пути новых завоеваний в Поволжье (вторая половина XVI столетия), начиная от Перми вниз по Волге до Астрахани и дальше на юг до Терека.

После ряда революций и воцарения дома Романовых распад феодализма в России усилился. Раздача «землицы угодной» различным «служилым людям» и дворянству приняла характер вакханалии. Вместе с «землицей угодной» в руки «служивых людей» переходили тысячами и те, кто сидел на этой земле. А это были главным образом «инородцы».

В первой половине XVII века русская колонизация перекинулась уже далеко в Сибирь, и русский торговый капитал во всю орудовал на восток от реки Лены, доходя до Анадыри. В конце XVII века мы видим уже всю Сибирь, вплоть до Камчатки, завоеванной русскими.

XVIII век закончился новыми завоеваниями. Еще в первой половине этого века «прорублено было окно в Европу» и сделаны были новые приобретения к северу и югу от Финского залива: занята часть Украины, а во второй половине века — остальная часть побережья Балтийского моря, вся Белоруссия и Украина. Россия стояла уже «твердой ногой» у двух морей в Европе — Балтийского и Черного, а Азовское было превращено во внутреннее море. Но на этом русский торговый капитал не успокоился. Имея в своих руках западный водный путь — Балтийское море, а в центре — Волгу, ему предстояло еще овладеть морским путем в Среднюю и Переднюю Азию — Каспийским морем.

В XIX веке для разросшейся до необычайных размеров империи начинается новая эпоха. На сцену выступил новый, еще более энергичный и смелый, чем торговый капитал, претендент на руководство жизнью страны. То был промышленный капитал. Промышленный капитал произвел в России новую революцию. Сущность ее заключалась в том, что в то время как торговый капитал являлся только посредником между производителем и потребителем товаров и хищнически вторгался между ними, — промышленный капитал, сохраняя свою хищническую сущность, явился в то же время организатором нового производства, а вместе с тем и создателем нового класса — пролетариата.

Если торговый капитал содействовал распаду феодализма, то промышленный капитал был полным отрицанием его. Новое производство требовало новых рабочих рук, свободных от крепостной зависимости, «свободных» продавать капиталисту свой труд. Кроме того.

¹⁾ Богатства монастырей росли со сказочной быстротой. В XVI веке, например, одной Троице-Сергиевской лавре принадлежали земли в 39 уездах и, помимо того, соляные промыслы, мельницы, рыбные промыслы и проч. Все доходы лавры равны были примерно $\frac{1}{3}$ царских доходов. Одному патриарху Никону принадлежало до 7000 крестьянских дворов, а все доходы его, переведенные на современные деньги, составляли ежегодно до 120 мил. руб. (Проф. В. И. Писарев — Церковь и крепостное право в России).

феодалы-крепостники, так грабительски обиравшие крестьянство, не могли создать крупной потребительской базы для промышленности. В короткий сравнительно срок промышленность России обогнала невысокую потребность населения. Русскому капитализму стало тесно в «отечественных» границах. Капитал стал перед дилеммой: или приостановить дальнейшее развитие, или же сделать экспансию за национальные границы в поисках новых рынков.

По этому пути Россия и пошла. С этого времени она превратилась уже в великую империалистическую державу, претендовавшую на первенство среди других империалистических хищников. Завоевательные аппетиты царизма с каждым годом становились все откровеннее и откровеннее. Это должно было неминуемо обострить отношения ее с Западом (в первую очередь с Англией), вылившиеся в целый ряд кровавых войн, во время которых русские штыки успели побывать и в Париже, и в придунайских странах (с целью захватить устье Дуная), и в Венгрии... Царская Россия уже мечтала о том, чтобы завладеть Константинополем и «положить себе в карман ключ от Босфора» (М. Н. Покровский).

Покончив с завоеваниями на Западе, присоединив к России Финляндию, Польшу, Бессарабию, царизм опять обратился на Восток.

Помимо завоевания Закавказья (первая половина XIX века), которое открыло свободный доступ в Персию и смежные страны, русский империализм направил свои взоры на Среднюю Азию. Сюда еще в начале XVIII века начали проникать русские экспедиции «с поздравлениями на ханство» местных правителей, но с тайной целью «проведать про город Яркент» (Самарканд) и выяснить о золотоносном песке Аму-Дарьи... Но то были только робкие попытки. А вот в 1839 г. русская декларация (экспедиция в Хиву) уже цинично заявляет: «силою оружия обеспечить на будущие времена права и пользу российских подданных... внушить должное уважение к имени русскому и упрочить то влияние, которое неоспоримо принадлежит России и которое одно может служить залогом сохранения мира в сей части Азии».

Завоевание Средней Азии сулило буржуазии неисчерпаемые блага: Туркестан являлся огромнейшей сырьевой базой для молодой развивающейся промышленности, и в первую очередь текстильной, для которой средне-азиатский хлопок был необходим дозареzu, а Аму-Дарья являлась прекрасным водным путем через малодоступные горы в Индию... Завоевания осуществлялись как с помощью «серой скотинки» из центральных губерний, так и с помощью многочисленных завоеванных «инородцев», среди которых искусственно разжигалась национальная и религиозная вражда и которые при помощи провокационных мероприятий натравливались друг на друга.

В начале XX века Россия уже крепко обосновалась у берегов Тихого океана, а «сфера влияния» ее перекинулась в Китай, Персию, и другие страны. Эта политика в результате привела к двум войнам: русско-японской (1904) и империалистической войне 1914—1918 г.

* * *

Пять-шесть веков потребовалось на то, чтобы небольшое Московское княжество выросло в могущественную империю, раскинувшуюся в большей части Европы и Азии, и включить в свой состав около одной шестой части земной суши и 152 (1914 г.) миллиона разноязычного и разноплеменного населения.

Что представляло собой это огромное государство—дореволюционная Россия?

В международном отношении это было сильное военное государство, огромный контрреволюционный страж, неоднократно игравший роль душителя европейских революций. Недаром России было присвоено имя жандарма Европы.

Что касается внутреннего устройства, то Россия была бюрократически-полицейским государством, в котором всякий живой росток, всякая живая мысль подавлялись самым жестоким и беспощадным образом. До шестидесятых годов прошлого века Россия была феодальным государством, хозяйство которого держалось на полурабских крепостнических устоях. Над огромной многомиллионной страной господствовали военщина и чиновничество, в свою очередь делившиеся на целый ряд «классов» и «рангов». И все, что творилось внутри управленческого аппарата, было покрыто непроницаемой тайной, а снизу доверху было узаконено взяточничество...

Самым мощным подпорьем для этого бюрократического и крепостнического государства была православная церковь. На всем протяжении исторического пути России церковь играла роль мощного орудия угнетения населения страны и ближайшего помощника царизма.

Православная церковь — эта прислужница дворянства — никогда впрочем не скрывала своей классовой сущности, которая была так ярко сформулирована в одном из дворянских наказов екатерининских времен: «Духовные должны наставлять прихожан своих в благонравии и повиновении властям, над ними поставленным, должны прихожан утверждать в благонравии и повиновении господам своим».

Но этим роль церкви не ограничивалась. Она осуществляла и шпионаж, который так широко применялся в царской России. «... Духовные обязаны были сообщать, если на исповеди им откроется измена или бунт на государя и государство или злое умышление на честь и здравие государства и на фамилию его царского величества». Да иначе духовное лицо и не могло поступить: продажность церкви была полная, каждый священник смотрел на свой приход, как на место прибыли и наживы. «Вплоть до восемнадцатого века организация церкви сверху донизу была системой кормления, и высшие и низшие клирики смотрели на свои должности прежде всего, как на доходные лены... приходские священники не только покупали должности, но и корчемствовали ими, т. е. отдавали их в аренду и продавали»¹⁾.

Так называемая эпоха «великих реформ», начатая в 60-х годах прошлого столетия, превратила феодальное общество в капиталистическое, но средневековой феодальный характер был присущ царской России до 1917 г. «Освобождение» крестьян явилось только необходимым условием для развивающегося промышленного капитализма. В остальном же «реформы» превратились в крайне незначительную и неумелую подстрижку русского варварского абсолютизма под европейскую гребенку. В сущности, и «конституция» 1905 г. и русский «парламентаризм» не внесли много нового. «Конституция» превратилась в весьма прозрачную пирамиду для полицейско-помещичьего самодержавия. Русское самодержавие осталось.—с той только разницей, что царизм стал учитывать промышленный капитал, который требовал дальнейшей внешней экспансии и усиления реакции.

«Пробуждение империалистических вожделений всегда совпадало по времени с политической реакцией. Завоевание Средней Азии

¹⁾ Цитировано по М. Н. Никольскому. См. М. Н. Покровский — Русская история, т. V.

приходится как раз на ту эпоху, когда после польского восстания в 1863 г. правительство, а с ним буржуазия круто повернули направо. Реакция 80-х годов была современной попыткой экономического завоевания Болгарии... Наконец, крупнейший взмах империализма дореволюционной поры (т. е. 1905 г.)—манчжурско-корейская эпопея—очень точно совпал с режимом Сянягина и Плеве внутри России. Вполне естественным и закономерным является поэтому расцвет новейшего русского империализма (писано перед войной 1914 г. *М. Пис.*) на лоне столыпинской реакции. И величайшим недоразумением является требование (русских либералов), чтобы русское правительство в одно и то же время «создавало великую мощь государства» и было «либеральным». Это значит требовать от одного и того же растения, чтобы оно «цвело розами и давало вкусные грибы». Этот прекрасный анализ сущности царизма дан М. Н. Покровским на самом пороге империалистической войны в 1914 г.¹⁾

Империалистическая и великодержавная сущность царизма наиболее ярким образом отразилась в той антинациональной политике, которая неослабно проводилась во все времена формирования огромной русской империи.

Начиная с первых шагов своего развития, русское государство, расширяя свои владения, встретилося на путях колонизации с бесчисленным множеством финских, турецких и иных племен. Ко времени прихода к ним русских эти племена находились на крайне низкой ступени развития. За незначительным исключением они не знали ни национального, ни государственного объединения. Вполне естественно, что завоеванные «инородцы» не имели возможности противопоставить себя хорошо организованным и вооруженным войскам и должны были подпасть под власть русского государства.

Казалось, что приход более культурных завоевателей пробудит от векового сна находившиеся на уровне родового строя племена, что приход русских создаст стимул для дальнейшего развития хозяйственных общественных форм, что, по образному выражению поэта, заработает «железная лопата, добывая медь и золото», подымет из недр земли новые богатства и вместе с ними восприимчив к новой жизни и деятельности туземное население.

Но так только казалось. Приход русских военных отрядов (которые в некоторых местах, как например на Северном Кавказе, ожидалось как избавители от кабардинского феодального гнета) принес завоеванным народностям, помимо порабощения—обезземеление, чрезмерные подати и «благодать» насильственной руссификации.

Но и этим колонизация окраин не ограничивалась, а фактически сводилась к простому физическому уничтожению «инородцев». Достаточно, например, привести общеизвестные, зафиксированные в официальных документах данные об «усмирении» Башкирии, когда при подавлении только одного восстания в 1741 г. было повешено за плечо и ребра, замучено и казнено до 30.000 башкир и полностью снесено с лица земли 896 селений.

Подобные методы колонизации практиковались почти на всех окраинах России. Даже наиболее дальновидный и умный сатрап царизма, кавказский наместник Воронцов-Дашков, во время длительного завоевания Чечни и Дагестана только и думал над тем, «какой способ имеется для усмирения, а также для истребления их» («мошеников» и «разбойников» — кавказских горцев).

¹⁾ См. М. Н. Покровский—Дипломатия и войны царской России в XIX столетии.

Ту же картину представляет покорение Казанского царства, «Заволочья» и прочих окраин. Куда ни приходили русские войска, везде вырастали груды убитых и повешенных, разорялись селения, изгонялись жители и на их месте вырастали помещичьи усадьбы с крепостными—русскими и «инородцами». Там, где по каким-либо причинам нельзя было просто изгнать население и их земли передать русскому помещику и капиталисту, там разыгрывалась комедия купли. Путем такой «купи» Белорецкий и Преображенский заводы приобрели на Урале 400 тыс. десятин бакширских земель за... 40 рублей, а Вязно-Петровский—180 тысяч десятин за 20 рублей (1724 г.).

Вслед за штыком шествовал верный помощник царизма — поп с крестом, призванный утвердить власть царя в завоеванных землях и «обратить» в христианство «язычников». Если лозунгом для завоевания Сибири являлась «мягкая рухлядь» (меха), если завоевание Средней Азии шло под флагом «подавления разбоя диких орд» (кочевников) на торговых путях, то покорение Закавказья шло под лозунгом «защиты» единоверной Грузии, а покорение Приуралья и Волго-Камского бассейна преследовало обращение «поганных неверных» в «истинную» христову веру. Конечно истинные цели диктовались сперва феодальным, а затем капиталистическим империализмом. Но всегда находился какой-нибудь благовидный предлог, чтобы прикрыть хищнические аппетиты и империалистические устремления. Наиболее же излюбленным лозунгом являлось насаждение христовой веры. Интересно отметить, что «защита Украины от польских притязаний» диктовалась тем, что-де «царь русский и православный принял под свою высокую руку Украину ради того, чтобы там не терпела больше обид православная вера».

Так из века в век под мрачную сень креста и самодержавия попадало все большее и большее количество малых и больших народностей, различных по расе, языку, культуре и хозяйственному укладу. Население России в предыдущие два столетия росло с необычайной быстротой: в 1724 г. числилось 13 млн., в 1762 — 17 млн., в 1796 — 36 млн., в 1815 — 45 млн., в 1858 — 74 млн., в 1897 г. — 129 млн.

Большинство этой массы населения являлось как для царизма, так и для буржуазии и господствовавшей православной церкви населением второго сорта—«инородцами». Такой взгляд на многомиллионное нерусское население превратился для России в символ веры и был ярко сформулирован наиболее крупным столпом царизма, обер-прокурором святейшего синода К. П. Победоносцевым, следующей церковно-эзоповской формулой: «Государство признает одно вероисповедание, из числа всех, истинным вероисповеданием и одну церковь исключительно поддерживает и покровительствует, к предосуждению всех остальных церквей и вероисповеданий»¹⁾.

Церковно-великодержавным духом была пропитана вся жизнь России. Великодержавие и православие были фундаментом всей ее политики. В течение нескольких веков эта шовинистическая и антинациональная политика душила многомиллионную страну, а для недовольства и протеста создавалась искусственная отдушина, заключающаяся в натравливании одной национальности на другую. Этот метод практиковался царизмом с давних пор. В «просвещенный» XIX век, особенно в конце его, и в начале XX века натравливание на отдельные национальности получило особое распространение. Ярким тому примером могут служить еврейские погромы.

Даже такой верный трону раб, как граф С. Ю. Витте, рассказывает в своих «Воспоминаниях» со слов товарища министра внутренних

¹⁾ К. П. Победоносцев—Воспоминания. Гиз, 1923 г.

дел Лопухина, что «при департаменте полиции имеется особый отдел, который фабрикует всякие провокаторские прокламации, особенно же погромного содержания, направленные против евреев...» и что «прокламации эти массами посылаются в провинцию»... ¹⁾ Следует отметить, что эти провокационные действия усиленно практиковались в период революции 1905 г. и должны были послужить громоотводом и отвлечь внимание забытых и темных масс от того революционного шквала, какой прокатился в ту пору по всей стране.

Своеобразная «национальная» идея царизма даже в устах цитированного С. Ю. Витте носит ужасающие формы. В тех же «Воспоминаниях» он говорит, что Столыпин (министр внутренних дел царизма) «выдвинул на первый план своеобразный принцип русского национализма, в силу которого, чтобы быть верным сыном своей родины, великой Российской Империи, и вероподданым своего государя, нужно иметь фамилию, оканчивающуюся на «ов», быть православным и родиться в центре России (конечно еще лучше, если патриот может доставить доказательства, что если не убил, то по крайней мере искалечил несколько мирных жидов)» ²⁾. Конечно дело заключалось не в Столыпине, а в той системе, которая создавала Столыпинных и культивировала их.

«Россия — пестрая в национальном отношении страна. Правительственная политика, политика помещиков, поддерживаемых буржуазией, проникнута вся насковозь черносотенным национализмом. Политика эта направлена своим острием против большинства народов России, составляющих большинство ее населения».

Так до революции характеризовал Владимир Ильич царскую Россию и указывал, что «подкрепление старого национализма... дало рост классового сознания и сознательной контрреволюционности нашей российской буржуазии. Шовинизм вырос в ней вместе с ростом ненависти к пролетариату как международной силе» ³⁾.

Естественно, что при подобных условиях всякое проявление национально-культурной жизни находилось под строжайшим запретом. Грамотность и обучение на национальном языке (у народностей, имевших свою письменность) допускались, если они шли на помощь религии. Большинство народностей не имело на родном языке даже букваря. Зато «священное» писание издавалось и распространялось на казенный счет в сотнях тысячах экземпляров, даже на национальных языках.

Русский великодержавный шовинизм вел разноплеменную и культурно отсталую страну к «прогрессу» через насильственную русификацию. Из года в год эта политика царизма становилась все интенсивнее. Имея при себе мощный аппарат церкви, русское правительство использовало его для той же цели. Насильственная христианизация нерусского населения, проводившаяся православными миссионерами, — только один из видов антинациональной политики, а способы обращения «неверных» в православие почти ничем не отличались от полицейских мероприятий военщины и жандармерии.

Находясь под усиленным экономическим, политическим и религиозным воздействиями, отдельные народности после длительного сопротивления, не выдержав напора, в конце концов поддались процессу ассимиляции. Однако этот процесс не носил положительных форм приобщения народностей примитивной культуры к более высшей, а таил в себе только отрицательное — замкнутость в ограниченном кругу. Ассимилируемые вполне законно ненавидели ассимиляторов, невольно связывая все русское с угнетением. Этим объясняется то, что большинство народ-

¹⁾ С. Ю. Витте — Воспоминания. Гиз, 1923.

²⁾ Там же.

³⁾ Ленин, т. XIX, статьи по национальному вопросу, изд. I.